

— Ешьте, ешьте, — сказал Лю Яоцин, держа миску с пельменями. Он подошёл к двери, разломил один пельмень и положил немного начинки на землю в качестве подношения предкам, а затем вернулся и начал есть.

Быстро поев, они убрали со стола и вынесли вчерашние блюда, открыли кувшин с вином, расставили палочки, чашки для вина, фрукты и всё остальное, чтобы угощать гостей.

Ли-ши и Шэнь-ши решили сходить к нескольким старшим в деревне, а затем навестить знакомых. Лю Цюаньцзинь позвал Син-гэ, и они вышли, не сказав, куда идут. Юй-гэр посмотрел на них, но решил остаться с Шэнь-ши.

Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ тоже должны были пойти в гости, а третий дядя Цинь остался дома, чтобы встречать гостей, которые придут на гору.

Одетый в новую одежду, с руками в пушистых перчатках и в кожаных сапогах, Лю Яоцин потрогал своё округлившееся тело и сказал:

— В деревне, наверное, только я так тепло одет.

— Главное, чтобы было тепло, — сказал Чжэцзы-гэ, вспомнив прошлые годы, но не стал развивать тему.

Первым делом они отправились к старику Лю, ведь он был старшим в семье и всё ещё жив.

Сяо Бао, одетый в новую одежду, играл во дворе, а Чжэн-гэ и Мин-гэ, не имея новой одежды, стояли у двери главной комнаты.

— Ты зачем пришёл? — спросил Сяо Бао, с конфетой во рту.

— Спроси у дедушки, почему я не могу прийти. Если он не разрешит... — Лю Яоцин не договорил, но многозначительно посмотрел на Сяо Бао. Тот, вероятно, не знал, что конфета во рту была подарком от Лю Яоцина, иначе он бы её не получил.

Войдя в дом, Лю Яоцин увидел на столе блюда, кувшин жёлтого вина и две маленькие чашки. Старик Лю сидел там, улыбаясь, одетый не в новую одежду, а в прошлогоднюю. Лю Цюаньфу, что было редкостью, отсутствовал, вероятно, ушёл есть и пить в гостях.

Ли-ши сидела с каменным лицом, не обращая внимания на Лю Яоцина.

— Уааа... — раздался громкий плач с улицы.

— Это Сяо Бао, пойдй посмотри, — старик Лю подтолкнул Ли-ши.

Лю Яоцин тоже вышел и увидел, что Сяо Бао бросил конфету на землю и топтал её ногами, крича во весь голос, но без слёз. Чжэн-гэ и Мин-гэ стояли рядом, с сожалением глядя на конфету.

— Вы уже большие, как можно не уступать младшему? — сердито сказала Ли-ши, глядя на Чжэн-гэ и Мин-гэ. — Убирайтесь, не позорьтесь здесь.

— Чжэн-гэ, Мин-гэ, подойдите, что случилось? — спросил Лю Яоцин, видя, что братья вот-вот заплачут.

Чжэн-гэ тихо сказал:

— У Сяо Бао много конфет, которые дал дедушка, а у нас нет. Мы попросили у него одну, но он не дал, толкнул нас и бросил конфету на землю.

— Ничего страшного, вы не виноваты, — сказал Лю Яоцин.

Ли-ши увела Сяо Бао в главную комнату, чтобы он погрелся на кане. Лю Яоцин вошёл вслед за ними, взял горсть конфет и отдал Чжэн-гэ и Мин-гэ.

Сяо Бао, увидев это, пришёл в ярость и хотел прыгнуть с каня, чтобы ударить Лю Яоцина, но старик Лю и Ли-ши крепко его держали.

Эти двое стариков не были глупыми. Чжэн-гэ и Мин-гэ можно было ругать и бить, но Лю Яоцин был неприкосновенен. Одно неверное слово, и он мог перевернуть весь дом.

Когда Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ ушли, старик Лю вздохнул:

— Всё становится хуже и хуже.

Конфет на столе было достаточно, но Вэй-ши и Лю Цюаньфу забрали большую часть, а теперь Лю Яоцин взял ещё горсть. Через несколько дней, если придут гости, конфет уже не останется.

— Ладно, — сказала Ли-ши.

Старик Лю не знал, что Лю Яоцин не только посетил Лю Даню и другие семьи, с которыми у Лю были хорошие отношения, но и зашёл к старосте деревни, пятому дяде Лю, и к другим уважаемым старикам.

Теперь он был не просто Цин-гэр, за ним стоял Чжэцзы-гэ и целая гора. Даже пятый дядя Лю, когда Лю Яоцин приходил, угощал его хорошим чаем и чувствовал себя почётным.

Можно сказать, что теперь развитие деревни Шангу негласно определял Лю Яоцин. Умные семьи старались любыми способами заставить его задержаться у них, надеясь, что он заметит их мужчин или молодых людей и возьмёт их работать на гору. Ведь в этом году Сюань-гэр, работавший в мастерской лепёшек, из бедняка, который в прошлом году ел только дикие травы, стал человеком, у которого есть и зерно, и мясо.

Женщины, работавшие в мастерской лепёшек, тоже гордо держались, заработанные деньги были в их руках, и мужья и свёкры говорили с ними мягче. Когда Лю Яоцин приходил, вся семья выходила встречать его.

Даже дети знали об этом и с благодарностью говорили:

— Спасибо Цин-гэру, иначе моя мама в этом году не смогла бы купить мне мяса.

Когда они обошли все нужные дома, некоторые жители деревни, увидев Лю Яоцина, сразу же звали его к себе, угощали горячим чаем с арахисом и просили посмотреть, есть ли у них кто-то, кто мог бы работать на горе.

Таких семей было немало, и Лю Яоцин с Чжэцзы-гэ, выходя из одного дома, сразу же попадали в другой. Даже чиновники не пользовались такой популярностью.

Наконец, ближе к полудню, Лю Яоцин, пройдя полдня и выпив много чая, захотел вернуться на гору в туалет.

— Син-гэр, твой отец и дядя у третьего дяди Лю, иди скорее, чтобы в Новый год ничего плохого не случилось, — сказал пришедший, не совсем ясно объясняя ситуацию, но явно с добрыми намерениями.

Лю Цюаньфу и Лю Цюаньцзинь вместе — это всегда проблема. Лю Яоцин кивнул, взял Чжэцзы-гэ за руку и направился к дому третьего дяди Лю.

Утром, вскоре после ухода от старика Лю, Лю Яоцин зашёл к Лю Даню, и, вероятно, разминутся с Лю Цюаньфу и Лю Цюаньцзинем. Иначе он бы не позволил этим двоим остаться вместе.

Дверь во двор была открыта, и Лю Яоцин, войдя, увидел Син-гэ, который держался за голову и стоял с каменным лицом, но не плакал.

— Что случилось? — спросил Лю Яоцин. — Ты всё утро был с отцом?

— Да, мы с отцом обошли много домов, а когда дошли до третьего дяди Лю, устали и решили отдохнуть. Потом пришёл дядя, — Син-гэ опустил голову, с трудом сдерживая слёзы. — В Новый год плакать нельзя, это не к добру. Потом...

Лю Цюаньфу с утра пошёл по гостям, ел и пил без приглашения. Многие семьи, считая, что в Новый год нельзя выгонять гостей, терпели его.

Случайно старик Лю и Лю Даню были давними друзьями, и Лю Цюаньфу решил отдохнуть у него, выпить горячей воды и, возможно, получить горячую еду.

В доме осталось немного еды, и Ли-ши, чтобы хватило на всех, добавила много грубого зерна, а лепёшки спрятала, чтобы подать их гостям. В итоге дома ели почти то же, что и обычно, а Лю Цюаньфу это не нравилось.

И вот, спустя столько времени, братья встретились.

Раньше, когда они праздновали Новый год вместе, Лю Цюаньфу мог попросить у Ли-ши полуновую одежду, без заплат, что в деревне считалось достойным. Хотя он был полным, его лицо не было уродливым, а, наоборот, полнота придавала ему солидности. В отличие от Лю Цюаньцзиня, который был худым, как скелет, чёрным и каждый год носил одежду с заплатами, что выглядело жалко и позорило семью Лю.

Однажды Ли-ши взяла своё приданое и обменяла его в городке на ткань, чтобы сшить Лю Цюаньцзиню новую одежду. Но Лю Цюаньфу узнал об этом и рассказал Ли-ши.

Ли-ши забрала ткань, оставив лишь немного, чего не хватило бы даже на новые туфли для Лю Цюаньцзиня.

Позже эта ткань была использована для новой одежды Сяо Бао, но она была слишком взрослой для него, и в итоге её отдали Лю Цюаньфу.

Но сейчас...

Лю Цюаньцзинь выглядел белее и полнее, казалось, он стал моложе. Его одежда была из лучшей ткани в городке, даже обувь была новой. А Син-гэ, который раньше всегда был в заплатанной одежде и с соплями, теперь тоже был одет в новую одежду и обувь, и выглядел почти как подросток.

<http://bllate.org/book/16688/1532082>